

И. А. Реморов

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

i_remorov@list.ru

РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ НОВОГО ЗАВЕТА XIX ВЕКА: В ПОИСКАХ ДОСТОЙНОГО ЯЗЫКА

Предлагается обзор истории переводов Нового Завета на русский язык на протяжении XIX в. – от перевода Российского библейского общества (1821) до перевода К. П. Победоносцева (1906). Отмечается, что при работе как над первым, так и над всеми последующими переводами их создатели проявляли внимание не столько к адекватности передачи оригинала, сколько к стилистике и избираемым языковым средствам. Все описываемые переводчики Нового Завета стремились выработать такую форму русского языка, которая была бы подобающей для передачи священного текста. Этот поиск является особенностью преимущественно данной эпохи, поскольку в предшествующие века было принято выражать священные смыслы только по-церковнославянски. По замыслу митрополита Московского Филарета (Дроздова), создателя концепции русского перевода Библии, язык Писания должен стать образцовым не только для языка русской духовной словесности, но в идеале и для всего литературного языка в целом. Несмотря на общее представление об особой роли языка Библии, реализация этого подхода разными переводчиками могла значительно отличаться. В частности, различны их представления о принципах употребления языковых средств церковнославянского происхождения.

Ключевые слова: история русского литературного языка, стилистика русского языка, перевод, Библия, Новый Завет, церковнославянизмы, церковный стиль.

Прежде чем рассматривать историю русских переводов Нового Завета XIX в., необходимо предварительно очертить языковую ситуацию эпохи.

Девятнадцатый век стал тем временем, когда русский литературный язык нашел себя, когда он ощутил себя по силе возможностей равным не только литературным языкам современной Европы, но и классическим языкам древности. Уже в XVIII в. нарождающийся литературный язык освоил весь спектр художественных жанров, публицистики, других сфер, – но только в XIX в. он достиг того, чтобы стать также и языком церкви, средством выражения священных смыслов. Процесс вхождения русского языка в церковную сферу был постепенным: он начался еще во второй половине XVIII в., с появления проповедей на русском языке епископа Гедеона (Криновского), митрополита Платона (Левшина), архиепископа Анастасия (Братановского-Романенко), протоиерея Иоанна Леванды и других «духовных витий»¹, – и пришел к своему

¹ С 1760-х гг. видные иерархи стали говорить свои проповеди по-русски и публиковать их (подробнее см.: [Живов, 1996. С. 396 и сл.]). В предисловии к академическому словарю 1847 г. перечислены «духовные витии, которых проповеди можно назвать образцовыми по изложению истин Веры и сочетанию слога библейского с общенародным»; они содействовали блистательным успехам отечественного Слова «не менее светских писателей» [Словарь церковнославянского..., 1847. Т. 1. С. VII]. Подробнее см.: [Реморов, 2007].

завершению через век, когда стараниями Московской духовной академии и Оптиной пустыни на русский язык была переведена большая часть святоотеческих творений², что вскоре повлекло за собой и продолжение – многие тома собственных аскетических писаний русских подвижников: епископа Игнатия (Брянчанинова), епископа Феофана Затворника, протоиерея Иоанна Кронштадтского и других. Таким образом, русский литературный язык вполне освоил церковную сферу и стал признанным средством выражения священных смыслов. Важнейшей частью этого пути стал перевод на русский язык священных книг – сначала Нового Завета, а затем и всей Библии, что завершилось изданием полного текста Ветхого и Нового Завета в 1876 г., известного как Синодальный перевод.

Возникновение национального перевода Библии имеет особое, часто основополагающее значение для литературного языка в целом – об этом свидетельствует исторический опыт многих древних и новых христианских стран. Такова была роль переводов Библии для многих западно- и южнославянских языков (ср.: [Смирнов, 2001]; так произошло и с лютеровской Библией в Германии; так было и в древней Руси. Е. М. Верещагин вслед за Н. И. Толстым, говоря о древнерусской языковой ситуации, выделяет язык Писания как особый «скриптурный стиль», находившийся на самом верху в иерархическом построении книжных жанров [1997. С. 305–306; Толстой, 1989. С. 19], задающий верхнюю планку-ориентир для литературного языка в целом. Об этом высоком статусе задумывались и создатели Библии на русском языке. Митрополит Московский Филарет (Дроздов), которого можно назвать главным идеологом русской Библии, писал: «Если Бог благословит дело перевода Священного Писания на русское чистое и правильное наречие, и он войдет в домашнее употребление народа, то он может споспешествовать установлению языка и удержанию его от падения, каковое действие перевода Священного Писания и у других народов замечено» [Труды митрополита Филарета..., 1893. С. 1].

Фундаментальность священного текста осознавалась многими, так что столь важное изменение в статусе русского языка не могло, конечно, произойти одномоментно. Если до сих пор Библия в русской языковой ситуации существовала лишь на церковнославянском, то у многих закономерно возникал вопрос: а может ли «русское наречие» столь же достойно передать священные тексты? Не будет ли такой перевод лишь профанацией, лишь дополнением к церковнославянской Библии? Но митрополит Филарет стал позиционировать русскую Библию именно как самостоятельный текст, не менее священный и авторитетный, чем церковнославянский, т. е. независимый от него. Не все и не сразу согласились с тем, что русский язык на это способен, пока не стали появляться первые опыты такого перевода; за первыми опытами последовали и другие, стремившиеся их улучшить. Следует заметить, что множественность переводов – вполне закономерное явление: ведь и церковнославянская версия Библии принадлежит трудам не одних Кирилла и Мефодия, а многих поколений переводчиков и редакторов из разных славянских стран.

Завершив это необходимое предисловие, перейдем к основному предмету статьи – краткому историческому очерку опытов перевода Нового Завета на русский язык со второго десятилетия XIX в. и вплоть до самого начала века XX, до К. П. Победоносцева. Мы не включаем в этот обзор переводы Ветхого Завета, потому что он намного больше по объему, а кроме того, менее актуален для христиан и менее употребителен в практике православной Церкви; как следствие, истории переводов Нового Завета и Ветхого весьма непохожи.

Переводы отличаются друг от друга не только мастерством их создателей, но и некоторыми общими принципами их переводческих концепций: мерой формального соответствия оригиналу, языковыми предпочтениями. Однако у всех переводчиков Нового Завета XIX в. есть нечто общее, что объединяет их и отличает от их сподвижников как предшествующих, так и последующих эпох. Наиболее лаконичная и емкая формулировка того, к чему все они стреми-

² Общее число томов серии «Творения святых отцов в русском переводе» – 80, число цельных творений не менее 382. Было переведено около 60 % известного на сегодня святоотеческого наследия: *Дионисий (Шленов), игумен*. Серия «Творения св.отцов в русском переводе»: история и современность // Сайт Московской православной духовной академии URL: <http://www.mpda.ru/ru/biblio/articles/index.php?id=669>

лись, дана опять же митрополитом Филаретом Московским: «Достоинству священной книги должно, по возможности, соответствовать *достоинство языка*»³ [Труды митрополита Филарета..., 1893. С. 1]. Поискам этого «достойного языка» и были посвящены труды тех, о ком здесь будет сказано.

На наш взгляд, в истории русских переводов Нового Завета XIX в. следует выделить три этапа: 1) 1810–1820-е гг., когда под эгидой Российского библейского общества был издан первый русский перевод Нового Завета; 2) 1840–1860-е гг., когда на его основе появились несколько авторских переработок и, независимо от них, новый официальный перевод – Синодальный; 3) 1890–1900-е гг., когда была осуществлена попытка организовать пересмотр Синодального текста.

Но прежде следует сказать о предыстории.

До начала XIX в. вопрос о переводе священных книг на русский язык не ставился: подобный перевод воспринимался бы не иначе как профанация. Поскольку библейский перевод в любом виде был редкостью в то время, ограничиться примерами Нового Завета здесь не удастся. Вспомним несколько примеров перевода библейских книг, которые никогда не претендовали на статус священного текста.

А. Псалтирь 1683 г. в переводе Авраамия Фирсова. Исследование языка и текстологии этого памятника проводилось Е. А. Целуновой [2006]. Русский литературный язык в то время еще не был сформирован, а разновидности литературного языка противопоставлялись по признаку «книжный – простой», так что переводчик определяет язык своего перевода как «простой словенской» [Живов, 1996. С. 52–59]. Поскольку «упрощение» является неотъемлемой частью стилистической концепции перевода, очевидно, что о достоинстве языка речь совсем не шла. Вполне закономерно, что патриарх Иоаким не благословил публиковать этот текст в печати.

Б. В XVIII в. была распространена своеобразная форма перевода на русский язык псалмов – в виде поэтических переложений. Ода была высоким поэтическим жанром, поэтому переложение псалма в виде оды позволяло определенным образом сохранить высокий стиль при передаче священного содержания. Однако переложение уже не являлось переводом – оно представляло собой функционально новый текст, дополнительный, в то время как собственно псалом оставался на церковнославянском.

В. В 1794 г. было издано «К римляном послание Святаго Апостола Павла, с толкованием, основанным на писаниях святых отец» [К Римляном..., 1794]. «Толкование», размещенное параллельно с церковнославянским текстом, представляло собой развернутый русский пересказ. Создателем этого текста был архимандрит (впоследствии архиепископ) Мефодий (Смирнов). Подобная разновидность перевода известна еще с древности, со времен арамейских таргумов на Ветхий Завет. А. А. Алексеев употребляет термин «таргум» для определения этого жанра библейского перевода [2013. С. 367–368]. Текст архим. Мефодия явился редчайшим примером таргума на русском языке; в современной греческой Церкви, напротив, подобные переводы-толкования весьма распространены (например, труд П. Трембеласа). Очевидно, что таргум не является самостоятельно функционирующим текстом: он оставался зависимым от церковнославянского еще в большей мере, чем поэтическое переложение.

Г. Первым опытом собственно перевода библейских книг на русский язык явился датированный 1806 г. «Опыт перевода точного ветхо-священных книг из подлинного еврейского на русский, по еврейскому переводу, как они сами переводят, с приложением некоторых их изъяснений». Этот перевод был сделан иереем Михаилом Фотинским и известен лишь в рукописи⁴, которая впервые была найдена автором данной статьи в 2006 г., затем размещена в сети Интернет в составе собрания Троице-Сергиевой лавры, а недавно наконец получила свое описание

³ Следует подчеркнуть, что достоинство языка не является его онтологическим, неизменным свойством, вопреки утверждениям некоторых авторов (см., например: [Камчатнов, 1999. С. 228]). Высокая стилистическая характеристика в тех или иных языковых средствах может восприниматься различно в разные эпохи и меняется со временем, то есть является элементом конвенциональности языкового знака.

⁴ НИОР РГБ. Ф. 173/II, д. 12. URL: <http://old.stsl.ru/manuscripts/book.php?col=6&manuscript=012> (дата обращения 30.06.2016).

в специальной работе К. Ю. Андерс [2016]. Основная переводческая установка М. Фотинского заключалась в точной передаче всех формальных особенностей еврейского текста; о стилистике языка самого перевода Фотинский, по-видимому, не задумывался. К тому же он не был мастером русского слова и постоянно сбивался на украинизмы. Подобный перевод, конечно, имел лишь утилитарное значение.

Все перечисленные версии не могли стать в полной мере переводом Священного Писания: функционально они оставались лишь дополнением к основному церковнославянскому тексту.

Непосредственная история русской Библии начинается с 1816 г. Перевод Нового Завета, известный теперь как *перевод Российского библейского общества* (РБО), был осуществлен в 1816–1821 гг. Языковые и прочие особенности этого труда описаны А. А. Алексеевым [2013].

Этот перевод представлял собой коллективный труд специалистов Санкт-Петербургской духовной академии и особой комиссии, состоявшей из церковных иерархов и светских деятелей⁵. Исходный замысел состоял в том, чтобы «доставить и россиянам способ читать слово Божие на природном своем российском языке» [Чистович, 1899. С. 25]. Организация переводческой работы была возложена на известного петербургского проповедника и богослова – архим. Филарета (Дроздова), который впоследствии станет митрополитом Московским. Именно ему принадлежит подготовка системы правил для переводчиков, равно как и непосредственное участие в выработке итоговой редакции.

Архим. Филарет счел нужным сразу определить стилистические принципы, лежащие в основе русского перевода Священного Писания. Он полагал, что «величие священного писания состоит в силе, а не в блеске слов; из сего следует, что не должно слишком привязываться к славянским словам и выражениям, ради мнимой их важности»; тем не менее «славянские» лексические средства предпочтительны, когда недостает русских соответствий, принадлежащих «к чистому книжному языку» [Там же. С. 27]. Изучение текста перевода показывает, что данные формулировки не дают полного представления о том, какие принципы употребления славянизмов использовались в переводе на практике. Важно отметить, что впервые был поставлен вопрос о стилистических характеристиках языка перевода. Впоследствии митр. Филарет вспоминал случаи, когда в процессе редакторского обсуждения возникали споры со светскими членами комитета из-за того, что приходилось защищать допустимость употребления того или иного славянизма.

Можно поставить вопрос: задумывался ли перевод РБО лишь как дополнение к славянскому тексту, или он мог восприниматься уже как самодостаточный? Ведь от этой установки зависела степень вольности изменения формы текста, равно как и возможность уклонения от славянского: если текст несамостоятелен, то можно больше уклоняться в объяснения. Возможно, здесь не было единого мнения. Сначала перевод печатался лишь как параллельный текст к церковнославянскому, но уже через три года был издан и без него; правда, для этого потребовалось особое разрешение императора. Что касается позиции самого архим. Филарета, она очевидна из составленного им «Возглашения к христолюбивым читателям», подписанного вместе с ним еще двумя иерархами и предварявшего издание текста: он доказывает «необходимость не только переводить Священное Писание на отечественный язык, но и на сем самом языке от времени до времени возобновлять перевод, сообразно с состоянием сего языка в его народном

⁵ В состав переводного комитета при Библейском обществе, кроме архим. Филарета (Дроздова), вошли архиепископы (вскоре митрополиты) Михаил (Десницкий) и Серафим (Глаголевский), некоторые другие духовные лица, а также светские члены комитета РБО – А. Ф. Лабзин и В. М. Попов. Лабзин был конференц-секретарем (впоследствии вице-президентом) Академии художеств и одним из виднейших деятелей мистицизма Александровской эпохи; с его именем связаны возникающие иногда подозрения о влиянии масонов на текст русской Библии. Согласно митр. Филарету, Лабзин и Попов «спорили за просторечие при пересмотре первого перевода» [Труды митрополита Филарета..., 1893. С. 45]; в Синодальном переводе, где светские лица уже не принимали участие, все подобные спорные места были устранены.

употреблении»⁶. Можно сказать, что он осознает себя и своих сподвижников продолжателями деятельности святых первоучителей Кирилла и Мефодия. Недаром при распределении переводческой работы будущий митрополит Московский выбрал себе тот же текст, с которого, согласно житию, начал перевод славянской Библии святой Кирилл, – Евангелие от Иоанна.

Молодой архимандрит стремился сделать русский перевод полноценной версией Библии, даже более тщательно выполненной, чем церковнославянская. В его правилах был и такой пункт: «Тщательно наблюдать должно дух речи, дабы разговор перелагать слогом разговорным, повествование повествовательным и так далее».

Таков был первоначальный языковой замысел русской Библии, – но не все были готовы к ее появлению. В стилистических спорах и дискуссиях начала XIX в. была еще позиция А. С. Шишкова, который, вопреки реальному развитию языковой ситуации, соотносил высокое священное содержание исключительно с церковнославянским языком. Русский перевод Библии в его концепцию никак не вписывался, так что вскоре после того, как Шишков стал министром народного просвещения, официальная деятельность по переводу Библии была прекращена на 30 лет и возобновилась только после смерти Николая I. Первый русский перевод Нового Завета не был запрещен, но его переиздания прекратились, так что постепенно он стал библиографической редкостью.

В середине XIX в. отдельные энтузиасты, знакомые с переводом РБО, стали делать собственные версии русского текста Нового Завета. Это означало, что имеющийся первый опыт перевода их не удовлетворял, и они хотели его улучшить. Таких авторов известно трое: В. А. Жуковский, епископ Никодим (Казанцев) и А. С. Хомяков. Скажу вкратце о каждом из них.

Труд *В. А. Жуковского*, великого переводчика-поэта, датируется 1844–1845 гг. Перевод Нового Завета выполнен им в эмиграции, во Франкфурте-на-Майне, и не был опубликован в России до 2008 г., когда наконец-то вышло, хоть и небольшим тиражом, добротное научное издание этого текста, подготовленное священником Дмитрием Долгушиным. Жуковский подарил рукопись своего перевода на день рождения своему сыну Павлу, когда тому исполнился один год.

Среди прочих переводов Нового Завета текст Жуковского выделяется сравнительно большой степенью отступлений от буквального следования оригиналу, – в целом та же картина, что и в переводе «Одиссеи». Отличие работы над библейским текстом от гомеровского заключается вновь в стилистике: Жуковский считает язык перевода РБО неоправданно деславянизированным и нередко употребляет церковнославянизмы. Это не значит, что он просто сохраняет церковнославянский текст без перевода; нет, он всегда дает его творческую переработку, используя иные славянизмы (подробнее см.: [Долгушин, 2008]). Таким образом, мы видим, что В. А. Жуковский также высоко ценил достоинство языка перевода, но понимал его стилистическую модель несколько иначе, чем митр. Филарет.

Епископ Никодим (Казанцев), окончивший свой жизненный путь на Красноярской кафедре как первый епископ этого города, до назначения в Красноярск возглавлял духовные учебные заведения разных городов европейской России и значительную часть своего времени посвящал любимому занятию – переводу библейских книг на русский язык. В Государственном архиве Красноярского края (ГА КК) сохранились его рукописи перевода многих книг Ветхого и Нового Завета, датируемые 1840–1850-ми гг. и затем 1870-ми, когда он был уже на покое.

К сожалению, часть тетрадей утрачена, так что мы вряд ли сможем узнать, насколько в полном объеме был сделан этот перевод. Из Нового Завета сохранились рукописи перевода всех четырех Евангелий, выполненные в Казани в 1855–1856 гг., и первые десять с половиной из че-

⁶ Михаил, митр. Новгородский и Санктпетербургский, Серафим, митр. Московский и Коломенский, Филарет, архиеп. Тверский и Кашинский. Возглашение к христоролюбивым читателям, напечатанное при первом Издании Евангелия на Руском наречии. 1819 года Марта 30 дня // Господа нашего Иисуса Христа Новый Завет. 3-е изд. СПб., 1824. Репринт: Новый Завет в переводе Российского Библейского общества. М.: РБО, 2000. С. VI–VII.

тырнадцати посланий апостола Павла, переведенные несколько раньше – в 1852 г. в Ярославле⁷.

Не вполне ясно, надеялся ли еп. Никодим когда-либо опубликовать свои труды. Но когда в 1860 г. появилось пробное издание Синодального перевода Четвероевангелия, он сверил весь текст Евангелия от Матфея в трех версиях – новоизданной, прежней (РБО) и в своем переводе, написав подробный сопоставительный разбор. Подытоживая свой анализ, он делает вывод, что «новый русский перевод... значительно совершеннее прежнего». Тем не менее он указывает на такой недостаток, как «неуважение к славянским словам (большею частию)»; на его взгляд, «славянские слова суть тоже русские, за весьма немногими исключениями». Возможно, здесь имеются в виду не собственно языковые славянизмы, а текстовые элементы церковнославянской версии; текст самого еп. Никодима отличается не уровнем славянизации, а степенью буквальной передачи формы греческого оригинала. Изменение этой формы, по его мнению, – не что иное, как «охота делать речь вульгарною, мелочною, обыденною», и это «паче всего поражает». Сам еп. Никодим хорошо знал как древнегреческий, так и древнееврейский языки, и весьма нелестно отзывался о тексте Септуагинты.

По стилистике перевод Нового Завета еп. Никодима в целом напоминает Синодальный, если не считать некоторых не очень удачных переводческих решений. Но примечательно, что он счел важным подчеркнуть необходимость сохранения славянских слов, а также то, что хороший перевод невозможен без «благоговейства к Слову Божию, коего и иота едина не преидет».

А. С. Хомяков, знаменитый философ-славянофил, в последний год своей жизни начал переводить на русский язык послания апостола Павла. Это оказался тот самый 1860 г., когда уже вышли пробные издания Евангелия в новом, Синодальном переводе; остальная часть Нового Завета была опубликована вскоре, уже через два года. Но сам Хомяков скорпостижно скончался, успев перевести лишь два из посланий апостола Павла – к Галатам и к Ефесянам – и начав делать наброски для перевода послания к Филиппийцам. Действительно, Павловы послания представляют особую сложность для переводчика, и Хомяков достойно справляется с этой задачей. К сожалению, от него не сохранилось высказываний о том, какими характеристиками или свойствами должен обладать язык перевода, так что до завершения специального исследования об этом судить затруднительно. Однако уже при первом взгляде на текст видно, что подход Хомякова встраивается в общую тенденцию новозаветных переводов XIX в., и мы еще вспомним о нем в заключительной части нашего исторического экскурса.

Но не только перечисленные авторы считали необходимым обновить русский перевод Нового Завета – этого же мнения придерживался и сам митрополит Филарет (Дроздов). Так, в 1855 г. в одной из своих резолюций он пишет, что русский перевод новозаветных книг был сделан поспешно и тогда, «когда русский язык еще не довольно был установлен», так что «если Святейший Синод заблагорассудит возобновить издание русского перевода новозаветных книг», то потребуются его существенный пересмотр [Собрание мнений и отзывов... Т. доп., 1887. С. 413–415].

В 1858 г. это давно ожидаемое Московским митрополитом событие произошло: работа над переводом Библии была возобновлена на официальном уровне, и теперь уже под эгидой Святейшего Синода, т. е. полностью в церковном кругу, без привлечения внешних, светских деятелей. Поэтому перевод этот стал известен как *Синодальный*. На работу над Новым Заветом ушло столько же, сколько и в первый раз, – пять лет, и в 1863 г. он был издан.

Как и в первый раз, митр. Филарет стремился принимать самое активное участие. Теперь он, вследствие возраста и должности, уже не мог непосредственно присутствовать на обсуждениях Синодального переводческого комитета, заседавшего в Петербурге, поэтому все свои замечания и пожелания он записывал. Благодаря этому сохранились его подробные редактор-

⁷ Ф. 561. Оп. 1. Д. 179, 123, 125, 177, 180, 136. Предварительное описание сохранившихся материалов представлено в статье: [Антипов, Реморов, 2009].

ские исправления на текст Нового Завета, сопровождаемые детальными комментариями; более 80 % этих исправлений были приняты или учтены в окончательном тексте ⁸.

В «Предуведомлении» к своей редакторской правке митр. Филарет счел нужным заострить внимание на стилистической концепции перевода, а именно на требовании того, «чтобы слова и выражения вразумительные не были без нужды заменяемы простонародными». Он дает лаконичное, но тщательное разъяснение этого принципа. Именно в этом тексте «Предуведомления» им сформулированы главные стилистические основания языка русской Библии, процитированные нами прежде: о «достоинстве языка» в соответствии с достоинством текста и о его особом статусе в рамках литературного языка в целом.

Коснемся вкратце непосредственно редакторской работы московского иерарха.

Нередко, редактируя текст перевода, он указывает в своих комментариях на неприемлемые коннотации предлагавшегося ранее варианта («грубый тон», «не чистое», «ругательное слово», «не хорошо» и т.п.). Например, в Мф. 10, 16 он заменяет «будьте умны, как змеи и просты, как голуби» на «будьте мудры, как змии, и незлобивы, как голуби», комментируя так: «*Мудры, как змии* – к этому привыкли. *Умны* – дико. *Змеи* – ругательное слово» ⁹.

Часто митр. Филарет указывает на необходимость соответствия нормам русской грамматики даже в мельчайших деталях, стремясь сделать не просто правильный, но образцовый текст. Все используемые языковые средства, не только грамматические, но и лексические, должны являться частью русского языкового фонда (непонятные славянизмы, наподобие *под спудом*, устраняются). Однако среди русских слов он всегда старается выбирать те, которые ближе к церковнославянскому: *мудрый* вместо *умный*, *пища* вместо *съестное*, *отечество* вместо *отчизна*, *большую цену* вместо *большие деньги* и т.д. ¹⁰ Критерий понятности здесь становится важнее критерия употребительности в речи.

Особенно это касается грамматики: так, митр. Филарет регулярно предлагает использовать причастия вместо определительных придаточных или других конструкций. Классический пример подобного рода: *Отче наш, Сущий на небесах*, – перевод, восхищавший А. Ч. Козаржевского [1999] своей тактичностью. Действительно, причастие в русской грамматике – такая форма, которая хоть и не свойственна разговорной речи, остается вполне понятной носителям русского языка. Митр. Филарет широко употребляет и другие подобные конструкции: глагольные формы с *да* («желательное наклонение»), обратный порядок слов в атрибутивных словосочетаниях, конструкцию с глаголом *иметь* вместо *быть*, двойной винительный или именительный и т. п. ¹¹ Таким образом формируется набор стилистических маркеров церковно-библейского стиля русского языка ¹². Показательно, что этот набор – новый, тогда как древнерусские показатели церковного стиля перестают выполнять эту роль: например, неполногласные формы,

⁸ Замечания митр. Филарета были впоследствии опубликованы [Труды митрополита Филарета..., 1893]. Черновой автограф замечаний хранится в РГИА, ф. 834, оп. 4, д. 6, а чистовая писарская копия (без замечаний на Откр.) – в ОР РНБ, ф. 573, оп. 1, д. 543. Фрагментарная (только Мф., Ин., Деян.) копия есть также в ОР РГБ, ф. 172 (МДА архив), к. 521, д. 5–7.

⁹ Приведем некоторые другие примеры правок митр. Филарета, касающиеся правильности и чистоты речи; в скобках даны его комментарии: Лк. 7, 49: кто это такой, → кто это, (С прибавлением слова: *такой* – вопрос становится грубее). Мк. 14, 37: не мог пободрствовать одного часа? → не мог ты бодрствовать один час? (*Пободрствовать* – слово не стройно составленное).

¹⁰ Некоторые другие примеры, касающиеся вопросов употребления славянизмов: Лк. 2, 48: Сын! → Чад! (*Сын* – холодно и грубо. *Чад* – выражает материнскую любовь). Мф. 21, 9: грядый → Грядущий (*Грядый* – слишком славенски, так что для некоторых толкованием служить может *грядущий*). Мк. 6, 1: в свою отчизну → в свое отечество (*Отчизна* – слово польское, и в русском языке не чистое).

¹¹ Некоторые примеры правок, касающиеся грамматических особенностей текста: Лк. 8, 8: кто имеет уши <слышать, да слышит!> → имеющий уши (На что растягивать речь, когда и у нас есть причастие?). Мф. 24, 16: пусть бегут → да бегут (Не позволяют бежать, а приказывают). Мк. 5, 31: ты видишь → видишь (Местоимения в греческом нет, и оно не нужно; с словом: *ты* – речь становится грубее). Мф. 12, 13: стала здоровою → стала здорова (Не говорим: от дождя дорога *стала худую*, но дорога *стала худа*).

¹² Подробнее об этом см.: [Реморов, 2004].

несшие когда-то значение возвышенной стилистики, в Синодальном переводе уже практически утратили эту функцию и если встречаются, то обычно обособлены и по значению¹³.

В русском церковно-библейском стиле, по митр. Филарету, есть и еще одна специфическая особенность – стилистическое разграничение контекстов по «тону речи»¹⁴. Сущность этого принципа можно пояснить некоторыми комментариями митр. Филарета к исправлениям в русском переводе Нового Завета: «*Эта песня* – на улице; а пред престолом Божиим – *сия песнь*» (к Откр. 14, 3); «От ученого до безграмотного, никто не скажет: *Мать Божия*, а всякий скажет: *Матерь Божия*»; «Какой безграмотный не понимает, когда священник произносит в алтаре: *сие есть тело Мое*? Кто захочет переименовать изречение: *сей есть истинный Бог*, и сказать: *этот есть истинный Бог*?» [Труды митрополита Филарета..., 1893]¹⁵.

Итак, митр. Филарет в стремлении к «достойному языку» для русской Библии предлагает особый стиль – островок церковнославянского в русском, создаваемый средствами современного ему русского литературного языка.

В 1863 г., за четыре года до кончины митр. Филарета, перевод Нового Завета на русский язык был опубликован полностью. До настоящего времени Синодальный текст по праву остается единственным официальным русским переводом Библии. Внимательное знакомство с трудами московского митрополита дает хорошее представление о масштабе и значимости замысла этого перевода, о месте в нем церковнославянской языковой и текстовой традиции и о той роли, которая была ему отведена авторитетным иерархом. Не будет преувеличением сказать, что Синодальный перевод был призван стать полноценной заменой церковнославянскому тексту во всех сферах его употребления, включая богослужебную, если для этого возникнет пастырская необходимость.

История русского перевода Нового Завета на этом не заканчивается. Еще один ее этап, малоизвестный и не вполне изученный, связан с именем обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева, который, ознакомившись с вышеупомянутым переводом В. А. Жуковского, в 1892 г. выступил с предложением начать общецерковную работу по усовершенствованию русского перевода книг Священного Писания, прежде всего Нового Завета. Он опубликовал воззвание в «Прибавлениях к Церковным ведомостям» [Об исправлении..., 1892], призвав всех, у кого есть «замечки и поправки» к русскому переводу священных книг, доставить свой труд на его имя. С соответствующей просьбой Победоносцев обратился также в духовные академии и, кроме того, «к некоторым лицам с просьбою – послужить сему делу своею опытностью и знаниями». В ответ на это воззвание на протяжении последующих четырех-пяти лет обер-прокурору были присланы различные замечания и правки к русскому переводу Нового Завета в целом или отдельных новозаветных книг; большая часть этих материалов сохранилась в РГИА (ф. 834, оп. 4), и они еще ждут своего исследования.

По запросу К. П. Победоносцева духовные академии подготовили свои поправки к русскому переводу Нового Завета – весьма немногочисленные от Казанской академии, более подробные от Киевской и, наконец, чрезвычайно подробные, хотя и ограниченные Четвероевангелием, правки и комментарии от Санкт-Петербургской духовной академии, выполненные доцентом (а вскоре профессором) Н. Н. Глубоковским. Московская же академия вместо этого предоставила рукописные материалы комментированной правки митр. Филарета, которые вслед за тем были Победоносцевым опубликованы (изд.: [Труды митрополита Филарета..., 1893]).

Кроме того, в рамках данного проекта в 1895 г. был издан перевод В. А. Жуковского, причем в Берлине, так как в России это все еще было сопряжено с цензурными трудностями. По-ви-

¹³ Так, в Откровении употребляются слова *гласы* и *врата*, которые в русском языке стали обозначать элементы церковного богослужения. Показателен также следующий пример: Мф. 27, 3: тридцать серебрянников → тридцать сребренников (*Серебренников* – не годится, потому что на русском *серебренник* значит *мастер серебряных дел*, а не монета. Всякий грамотный и неграмотный говорит, что Иуда предал Христа за тридцать *сребренников*, а не *серебренников*).

¹⁴ См. также: [Реморов, 2002].

¹⁵ Некоторые другие примеры правок, касающиеся стилистической дифференциации контекстов: Лк. 3, 6: И увидит → И узрит (Тон речи пророческий). Мф. 24, 42: придет → приидет (*Господин* – придет. *Господь* – приидет). Мф. 12, 27: судьями → судиями (*Судьи* – в уездном суде; а Апостолы на страшном суде – *судии*).

димому, К. П. Победоносцев хотел, чтобы пересмотр русского перевода Нового Завета был большим общецерковным проектом, – но даже ему, считавшемуся всесильным обер-прокурором, не удалось устроить это: для подобного дела требовался организатор такого масштаба, как митр. Филарет. Встретившись с противодействием в Синоде ¹⁶, Победоносцев решил собирать и рассматривать замечания не через Синод, а через собственную канцелярию обер-прокурора. Фактически с собранными материалами Победоносцев занимался почти в одиночестве, а многие из присланных замечаний просто не стал учитывать, так как они не отвечали его замыслу или просто были слишком немногочисленны и очевидны.

Основным сподвижником К. П. Победоносцева явился Н.Н. Глубоковский, который поначалу взялся за предложенное ему дело с большим энтузиазмом и всемерной тщательностью и уже в 1892–1893 гг. подготовил подробнейшие «Замечания» на текст первых трех Евангелий, но четвертое Евангелие, от Иоанна, окончил лишь через четыре года, а переработку перевода последующих книг Нового Завета проводить не стал. Судя по его дневниковым записям ¹⁷, он делал свой труд в надежде на будущее обсуждение в вышестоящей комиссии, а она так и не была организована. Замечания Глубоковского на Четвероевангелие до сих пор не опубликованы, хотя попытка их подготовки к публикации предпринималась неоднократно ¹⁸.

Труд Глубоковского содержит столько много поправок к тексту, что представляет собой самостоятельную версию русского перевода Четвероевангелия. Но, к сожалению, его редакцию перевода нельзя считать вполне законченной: многие исправления он вносил лишь как предположительные, показывая плюсы и минусы разных возможных вариантов. Он предлагает научно-критический анализ почти каждого стиха с учетом новейших для своего времени текстологических и лексикографических данных. Описывая в предуведомлении общие принципы своей работы, он постулирует тезис: «Первое и, кажется, бесспорное требование от всякого перевода должно состоять в том, чтобы он был научным». Стремясь к научной точности, Глубоковский выражает желание передать все лексические тонкости оригинала. Про славянизмы он упоминает лишь в связи с отдельными специальными контекстами, говоря: «например, в установленных евхаристических словах нахожу прямо непозволительным вместо “пійте” говорить “пейте”». Осознание «достоинства» языка священного текста на данном этапе проявляется у Глубоковского лишь в требовании «заботиться и о грамматической правильности переводов, так как книги Священного Писания должны быть образцовыми во всем».

К. П. Победоносцев, похоже, был рад получить научно-критические комментарии, но не это побудило его начать пересмотр русского новозаветного текста. В своем объявлении 1892 г. он писал, что «многие благочестивые читатели, привыкшие слышать этот текст в славянской речи, исполненной достоинства и силы, – не удовлетворяются передачею этого текста в складе русской литературной речи, и не без основания указывают, что во многих случаях не было никакой нужды заменять русским перифразом или русским словом, успевшим уже войти в оборот вульгарной речи, вполне понятную речь славянскую или вполне понятное славянское слово». Впоследствии, в предисловии к переводу, Победоносцев говорит, что конечная цель – это «перевод на языке, достойном славянского подлинника, на языке, который не тревожил бы уха знакомого с гармонией церковного чтения» [1906. С. II].

Собрав накопленный опыт русских переводов Нового Завета, Победоносцев самостоятельно ведет работу по усовершенствованию текста. При сопоставлении разных версий видно, что он активно пользовался и замечаниями митр. Филарета, и переводами Жуковского и Хомякова (вплоть до прямых текстовых совпадений), и комментариями Глубоковского. В 1902 г. он выпустил пробное («не для обращения в публике») издание Евангелия от Иоанна, а в 1906 г.

¹⁶ Согласно документам РГИА (ф. 797, оп. 62 (1892 г.), отд. II ст. 3, д. 262), Победоносцев подготовил и зарегистрировал запрос в Синод об издании перевода Жуковского, однако этот запрос не был рассмотрен и впоследствии был просто сдан в архив. Менее чем через полтора месяца после этого он публикует свое воззвание и начинает сбор замечаний к русскому переводу Нового Завета.

¹⁷ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 53. Л. 3 – 5 об.

¹⁸ «Замечания» Глубоковского хранятся в ОР РНБ (Ф. 194. Оп. 1. Д. 54–59). Небольшой фрагмент опубликован прот. Д. Савичем [2012].

уже был издан полный текст Нового Завета с подзаголовком «Опыт к усовершенствованию перевода на русский язык священных книг Нового Завета».

В предисловии К. П. Победоносцев вновь описывает свой подход к использованию «славянских слов и речений». Такие слова и формы, как *грядущее, уразумел, творить, обряцут, возьмут, други, знамение, студенец* и т.п., он считает вполне понятными и не нуждающимися в замене разговорным аналогом, от которой, по его словам, «речь только вульгаризуется». В некоторых случаях он предлагает оставить даже *горѣ* и *паки*. Он упоминает и о стилистическом различии слов Христа, автора-евангелиста или лиц из народа. Фактически Победоносцев в своих рассуждениях о языке воспроизводит концепцию митр. Филарета, однако доводит возможную славянизацию текста до предела¹⁹. Кроме того, принцип точности становится для него второстепенным: например, чтобы избежать «негармоничного и неуклюжего» слова *который*, он позволяет себе всячески перекраивать синтаксическую конструкцию [Там же].

В некоторых публикациях о переводе Победоносцева принято противопоставлять его «тупиковый путь» и «прогрессивный» подход Глубоковского [Предисловие, 2000; Алексеев, 2002]. Но это некорректно. При написании своих замечаний Глубоковский, действительно, мало уделял внимания вопросам достойного языка; но, познакомившись с позицией Победоносцева, он высказал ему полную солидарность. В бумагах Глубоковского сохранились черновые наброски его рецензии на издание Победоносцевым Евангелия от Иоанна 1902 г.²⁰ Здесь Глубоковский рассуждает о том, что общедоступность – вовсе не значит простонародность: «Именно по отношению к Св. Писанию надобно стремиться, чтоб сила благодатной истины божественной сказывалась в созвучии слов живых, дабы последние настраивали душу благоговейно и располагали к более удобному усвоению содержания». Глубоковский весьма положительно оценивает опыт Победоносцева; со свойственной ему дотошностью он выписывает по всему тексту примеры славянизации и анализирует их, отмечая «удачно сделанный подбор славянских терминов»²¹.

Идея «достоинства языка» перевода Библии продолжается и в переводе Нового Завета, сделанном русскими эмигрантами под редакцией еп. Кассиана (Безобразова) в 1951–1970 гг. Описывая концепцию обновленного русского перевода новозаветных книг, еп. Кассиан говорил, что языковые изменения в Советском Союзе нельзя считать «развитием»; по его словам, «самоочевидно, что верующий должен понимать Библию, однако язык Библии должен поднимать его собственный язык на более высокий уровень» [Bishop Cassian, 1954]. Тем не менее хотя стилистика Синодального перевода частично сохраняется в этом тексте, но наблюдается несогласованность стилистических позиций и смесь подходов: с одной стороны, еп. Кассиан желает избегать архаизмов, с другой, нередко вводит новые. Приоритетным для него становится стремление к буквализму и даже к сохранению греческого порядка слов, что делает перевод не всегда ясным²².

Начиная с 1990-х гг. массово возникают новые опыты перевода библейских книг на русский язык. При этом особая стилистическая концепция перевода либо вообще отсутствует (это характерно прежде всего для «миссионерских» протестантских переводов «Благая весть», «Слово жизни», «Живой поток» и т.п.), либо меняется на противоположную. Так, в переводах священника Леонида Лутковского и особенно В. Н. Кузнецовой язык вообще преднамеренно отстранен от славянских элементов и от высокого стиля²³. Есть, однако, один пример новых поисков «достойного языка» в русле русской традиции – это перевод синоптических Евангелий, выполненный С. С. Аверинцевым, одним из подлинных мастеров русского слова.

¹⁹ Подробнее о выборе лексических средств Победоносцевым см.: [Реморова, 2015].

²⁰ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Д. 53. Л. 15 – 17 об.

²¹ Отдельные примеры разобраны в статье: [Реморова, 2009. С. 128].

²² Наиболее полное описание труда еп. Кассиана сделано протоиереем Сергием Овсянниковым [Ovsiannikov, 2004].

²³ Критический разбор стилистики перевода В. Н. Кузнецовой был проведен иеромонахом (ныне митрополитом) Иларионом (Алфеевым) [Иларион, 1998].

Желательность создания нового, доработанного и общепринятого текста русского перевода библейских книг в настоящее время очевидна для многих; в частности, об этом многократно говорилось на таком крупном специализированном форуме, как международная научно-богословская конференция Русской православной церкви «Современная библеистика и Предание Церкви» (Москва, 26–28 ноября 2013 г.). В свете этого важно помнить о богатом опыте XIX в.: все тогдашние переводчики Нового Завета на русский язык понимали необходимость «достоинства языка» при переводе священного текста, так что созданные ими многообразные варианты реализации этого принципа следует учесть при разработке стилистической концепции нового перевода.

Не будем забывать, что и в церковнославянском Евангелии от первых переводов до возникновения той редакции, которая стала общепринятой, прошло ни много ни мало пять веков. Поиски достойного языка для русской Библии следует продолжать.

Список литературы

Алексеев А. А. Библия. Переводы на русский язык // Православная энциклопедия. М., 2002. Т. 5. С. 153–161.

Алексеев А. А. Первый русский перевод Нового Завета в издании 1823 г. // Алексеев А. А. Очерки и этюды по истории литературного языка в России. СПб., 2013. С. 363–392.

Андерс К. Ю. О стиле перевода ветхозаветных книг М. Фотинского // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, вып. 2. С. 81–86.

Антипов М. А., Реморов И., диакон. Никодим (Казанцев), первый епископ Красноярский, как переводчик Библии // Сибирь на перекрестье мировых религий: Материалы IV Межрегион. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2009. С. 87–92.

Верещагин Е. М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М.: Мартис, 1997. 315 с.

Долгушин Д. В., священник. Новый Завет в переводе В. А. Жуковского: история создания и публикации // Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа / Пер. В. А. Жуковского; под ред. Ф. З. Кануновой, И. А. Айзиковой и свящ. Д. Долгушина. СПб., 2008. С. 408–447.

Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Языки рус. культуры, 1996. 590 с.

Иларион (Алфеев), иеромонах. [Рецензия] // Журнал Московской Патриархии. 1998. № 10. С. 78–80. Рец. на кн.: Письма апостола Павла. М.: Общедоступный православный университет, основанный протоиереем Александром Менем, 1998.

Камчатнов А. М. Сакральный славянский язык в Церкви и культуре // Богослужебный язык Русской Церкви: История. Попытки реформации. М., 1999. С. 227–232.

Козаржевский А. Ч. Церковнославянский язык – это чудо... Из интервью православной газете МГУ «Татьянин день» // Богослужебный язык Русской Церкви: История. Попытки реформации. М., 1999. С. 233–237.

Предисловие [автор не указан] // Новый Завет в переводе К. П. Победоносцева. Репринтное воспроизведение издания 1906 г. СПб.: РБО, 2000. С. 5–24 первой пагинации.

Реморов И. А. Митрополит Филарет (Дроздов) как редактор Синодального перевода Нового Завета: церковнославянизмы и принцип стилистической дифференциации контекстов // Сибирь на перекрестье мировых религий. Материалы межрегион. конф. Новосибирск, 2002. С. 245–248.

Реморов Иоанн, диакон. Правка грамматики митрополитом Филаретом (Дроздовым) при подготовке Синодального перевода Нового Завета // Тέχνη γραμματικῆ (Искусство грамматики). Вып. 1, посвящ. 90-летию проф. К. А. Тимофеева. Новосибирск, 2004. С. 415–426.

Реморов И. А. К проекту «Словаря русского языка XIX века»: некоторые лексические особенности церковных текстов // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2007. С. 135–144.

Реморова Е. Е. Н. Н. Глубоковский и К. П. Победоносцев: о творческом взаимодействии в деле перевода на русский язык Нового Завета // Сибирский филологический журнал. 2009. № 1. С. 125–129.

Реморова Е. Е. Новый Завет в переводе К. П. Победоносцева: о некоторых особенностях в области лексики // Новые информационные технологии в науке: Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (1 ноября 2015 г., г. Уфа). Уфа, 2015. С. 44–50.

Савич Д. Н., протоиерей. Ординарный профессор Н. Н. Глубоковский и его «Замечания на славяно-русский перевод Евангелия Матфея, Марка, Луки и Иоанна» (история рукописи) // Скрижали. 2012. Вып. 4. С. 10–20.

Смирнов Л. Н. К вопросу о роли переводов Библии в истории славянских литературных языков // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве. М., 2001. С. 186–194.

Толстой Н. И. Древнеславянский литературный язык в XII–XIII вв. (его функции и специфика) // Развитие этнического самосознания в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 14–24.

Целунова Е. А. Псалтырь 1683 г. в переводе Авраамия Фирсова. Текст, словоуказатель, исследование. М.: Языки славянской культуры, 2006. 624 с.

Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык. 2-е изд. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. 347 с. Репринт: М.: Рос. Библ. об-во, 1997.

Ovsiannikov S. Bishop Cassian BFBS-sponsored Russian translation of the New Testament // Sowing the Word: The Cultural Impact of the British and Foreign Bible Society, 1804–2004. Sheffield, U.K.: Sheffield Phoenix, 2004. P. 197–216.

Список рукописных источников

ОР РГБ. Ф. 173/II (МДА-доп.), д. 12. Опыт перевода точного ветхо-священных книг из подлинного еврейского на российский, по еврейскому переводу, как они сами переводят, с приложением некоторых их изъяснений. Учинен наместником иереем Михаилом Фотинским. 1806. 142 л.

ГА КК. Ф. 561, оп. 1, д. 179, л. 1 – л. 91. Епископ Никодим. Новый Завет Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа [Четвероевангелие]. 1855–1856.

ГА КК. Ф. 561, оп. 1, д. 123, л. 19 – л. 28, л. 29 об. – л. 30 об.; д. 125, л. 2 – л. 13. Епископ Никодим. Евангелие от Матфея. Сличение двух Русских переводов. 1860.

ГА КК. Ф. 561, оп. 1, д. 177, л. 1 – л. 35 об. Епископ Никодим. Послания ап. Павла. 1852.

ГА КК. Ф. 561, оп. 1, д. 180, л. 1 об. – л. 67. Епископ Никодим. Послание ап. Павла к Римлянам. [Без даты.]

ГА КК. Ф. 561, оп. 1, д. 136, л. 198 – л. 201. Епископ Никодим. Послание ап. Павла к Филиппиям. 1872.

РГИА. Ф. 834, оп. 4, д. 6. Филарет, митрополит Московский и Коломенский. Замечания на переводы Св. Евангелия. Автограф. 1859–1862. 171 л.

ОР РНБ. Ф. 573, оп. 1, д. 543. То же. Писарская копия. 206 л.

ОР РГБ. Ф. 172 (МДА архив), к. 521, д. 5–7. То же (фрагменты). 17 + 13 + 28 лл.

РГИА. Ф. 797, оп. 62 (1892 г.), отд. II ст. 3, д. 262. О переводе писателя и поэта В. А. Жуковского на русский язык славянского текста Нового Завета. 4 л.

ОР РНБ. Ф. 194, оп. 1, д. 53. Глубоковский Н. Н. О переводе Нового Завета. Записи дневникового характера и постраничный разбор перевода. 1892–1893, [1902]. 17 л.

ОР РНБ. Ф. 194, оп. 1, д. 55. Глубоковский Н. Н. Общие указания по вопросу об исправлении славянского и русского переводов Нового Завета и замечания на славяно-русский текст Евангелия от Матфея (л. 1–48); Евангелия от Марка (л. 48–88); Евангелия от Луки (л. 89–143); Евангелия от Иоанна (л. 144–182). Автограф. 1892 г. 182 л.

ОР РНБ. Ф. 194, оп. 1, д. 56, 57, 58, 59. То же. Писарская копия. 128 + 120 + 150 + 114 лл.

Список печатных источников

Аверинцев С. С. Собрание сочинений. Переводы: Евангелие от Матфея. Евангелие от Марка. Евангелие от Луки. Книга Иова. Псалмы Давидовы / Под ред. Н. П. Аверинцевой и К. Б. Сигова. Киев, 2004. 491 с.

Глубоковский Н. Н. Замечания на славяно-русский текст Евангелия Иоанна (Ин. 1) // Скрижали. 2012. Вып. 4. С. 21–58.

К Римляном послание св. апостола Павла с толкованием, основанным на писаниях святых отец / Мефодий (Смирнов), архимандрит. [М.:] Син. тип., 1794. VIII, 136 с.

Новый Завет в переводе Российского Библейского общества. Репринтное воспроизведение издания 1824 г. М.: РБО, 2000. 30, XIV, 620 с.

Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа / Пер. В. А. Жуковского. Берлин, 1895.

Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа / Пер. В. А. Жуковского; ред. коллектив: Ф. З. Канунова (гл. ред.), И. А. Айзикова (подгот. текста и Приложений), свящ. Д. Долгушин (подгот. текста, приложений и коммент.). СПб., 2008. 566 с.

Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа / Пер. с греч. подлинника под ред. еп. Кассиана (Безобразова). [М.:] РБО, 1994. 515 с.

Новый Завет в переводе К. П. Победоносцева. Репринтное воспроизведение издания 1906 г. СПб.: РБО, 2000. 24, VI, 630 с.

Об исправлении русского перевода книг Священного Писания // Прибавления к церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. Еженедельное издание. 1892. № 33. С. 1129–1130.

Святое Евангелие от Иоанна. На слав. и рус. яз. с присовокуплением русского текста в новой редакции. СПб.: Синод. тип., 1902. IV, 111 с.

Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской академии наук. Т. I–IV. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1847. Репринт: СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. Кн. I. 928 с.; Кн. II. 1092 с.

Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам / Под ред. преосв. Саввы, архиеп. Тверского и Кашинского. Т. дополнительный. СПб.: Синодальная тип., 1887. VIII, XVI, 497 с.

Труды митрополита Московского и Коломенского Филарета по переложению Нового Завета на русский язык. СПб.: Синодальная тип., 1893. XII, 239 с.

Хомяков А. С. Собр. соч.: В 2 т. М., 1994. Т. 2: Работы по богословию.

Bishop Cassian. The Revision of the Russian Translation of the New Testament // The Bible Translator 5.1 (January 1954). London: United Bible Societies, 1954. P. 27–35.

Материал поступил в редколлегию 29.06.2016

I. A. Remorov

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

i_remorov@list.ru

RUSSIAN TRANSLATIONS OF THE NEW TESTAMENT IN THE XIX CENTURY: SEARCHING FOR A WORTHY LANGUAGE

Purpose: The paper gives a historical review of the New Testament translations into Russian with an emphasis on their stylistic strategies and decisions. Its main chronological framework is the XIX century, beginning with the translation of Russian Bible Society (1821) up to the translation of Konstantin Pobedonostsev (1906), but the preceding and subsequent attempts are also touched upon.

Results: During this period the translators focused their main attention on the stylistics and selection of the language means rather than on the accuracy and the equivalence to the original text. According to Philaret (Drozdov), Metropolitan of Moscow, the dignity of the text must be accompanied by an appropriate dignity of the language wherever possible, and in this way the language of the Russian translation of the Scripture has to become model not only for the language of spiritual writings, but for the literary language in whole. Previously, till the XVIII century, the sacred meanings were usually expressed with Church Slavonic, and it was only since XIX century that the Russian literary language has been covering also the domain of the church writings. Different translators of the New Testament in this epoch had a common view about the requirement of the dignity of the Scripture language, but the realization of this general principle was quite different. Some translators, like Vasily Zhukovsky and later Konstantin Pobedonostsev, used a rather slavonicized language, they also often applied some slavonic words and constructions for the stylistic purpose even where the Church Slavonic text does not contain such means. But the main line was established by Metropolitan Philaret who restricts the use of lexical slavonicisms by two possibilities. First, he propose to use a Slavonic word or expression if its Russian equivalent is stylistically inappropriate or it is less precise, but on condition that this Slavonic word or expression does not contradict the clarity criterion. Second, he establishes a stylistic context differentiation: sometimes one should choose a slavonicism not because there is no Russian equivalent, but according to the “tone of speech” in “high” context like prophecy or liturgical words. Metropolitan Philaret sees the language dignity primarily not in the use of slavonicisms, but in the compliance with standards of Russian grammar, yet he always tries to choose words and constructions which are closer to church Slavonic. Some grammatical features (a wider use of participles instead of attributive subordinate clauses, optative mood with *da*, reversed word order in attributive phrases, *imet’*-construction instead of *byt’*, double accusative or nominative etc.) can be considered as a proposed new set of stylistic indicators for the church-biblical register of Russian.

Conclusion: Searching for a worthy language was the main objective for almost all the translators of the New Testament; that was Nikolay Glubokovsky who first shifted the focus to the textual criticism and semantic accuracy. But Glubokovsky did not reject the requirement of the language dignity; on the contrary, he analyses Pobedonostsev’s text and totally approves of his approach. Later, we can still see elements of the language dignity idea in Bishop Cassian’s translation (fully published in 1970), but in 1990s new translations it was almost totally abandoned, and no one of these latter translations has become widely accepted. If a new revised version of Bible translation into Russian is elaborated, the language dignity idea and the XIX-century attempts on seeking it should be properly taken into account.

Keywords: Russian literary language, Russian stylistics, translation, Bible, New Testament, church-slavonicisms, church register.

References

Alekseev A. A. Bibliya. Perevody na russkii yazyk [Bible: Translations into Russian]. Pravoslavnaya entsiklopediya [Orthodox encyclopedia], vol. V. Moscow, 2002, p. 153–161. (In Russ.)

Alekseev A. A. Pervyi russkii perevod Novogo Zaveta v izdanii 1823 g. [The first russian translation of the New Testament in the edition of 1823]. Alekseev A. A. Ocherki i etyudy po istorii literaturnogo yazyka v Rossii [Essays and studies on the history of the literary language in Russia]. St.-Petersburg, 2013, p. 363–392. (In Russ.)

Anders K. Yu. O stile perevoda vetkhovetnykh knig M. Fotinskogo [Stylistics of the Old Testament translation by Mikhail Fotinsky]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya [Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, Philology], 2016, vol. 15, no. 2, p. 81–86. (In Russ.)

Antipov M. A., Remorov I., deacon. Nikodim (Kazantsev), pervyi episkop Krasnoyarskii, kak perevodchik Biblii [Nikodim (Kazantsev), first bishop of Krasnoyarsk, as a Bible translator]. Sibir’ na perekrest’e mirovykh religiy. Novosibirsk, 2009, p. 87–92. (In Russ.)

Chistovich I. A. Istoriya perevoda Biblii na russkiy yazyk [The history of the translation of the Bible into Russian]. 2nd ed. St.-Petersburg, 1899. Reprint, Moscow, RBS, 1997. (In Russ.)

Dolgushin D. V., priest. Novyi Zavet v perevode V. A. Zhukovskogo: istoriya sozdaniya i publikatsii [New Testament translated by V. A. Zhukovsky: history of making and publication]. Novyi Zavet Gospoda nashego Iisusa Khrista. Perevod V. A. Zhukovskogo, F. Z. Kanunova, I. A. Ayzikova (eds.), rev. D. Dolgushin. Saint-Petersburg, 2008, p. 408–447. (In Russ.)

Ilarion (Alfeev), hieromonk. [Review]. Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii. 1998. № 10, p. 78–80. Review on: Pis'ma apostola Pavla [Apostle Paul's letters]. Moscow, 1998.

Kamchatnov A. M. Sakral'nyi slavyanskii yazyk v Tserkvi i kul'ture [The sacral Slavonic language in the Church and in the culture]. Bogoslužhebnyy yazyk Russkoy Tserkvi: Istoriya. Popytki reformatsii [The liturgical language of the Russian Church: History, reformation attempts]. Moscow, 1999, p. 227–232. (In Russ.)

Kozarzhevskiy A. Ch. Tserkovnoslavyanskiy yazyk – eto chudo... Iz interv'yū pravoslavnoy gazete MGU «Tat'yanin den'» [The Church Slavonic language is a miracle... From an interview]. Bogoslužhebnyy yazyk Russkoy Tserkvi: Istoriya. Popytki reformatsii [The liturgical language of the Russian Church: History, reformation attempts]. Moscow, 1999, p. 233–237. (In Russ.)

Ovsiannikov S. Bishop Cassian BFBS-sponsored Russian translation of the New Testament. Sowing the Word: The Cultural Impact of the British and Foreign Bible Society, 1804–2004. Sheffield, U.K.: Sheffield Phoenix, 2004, p. 197–216. (In Russ.)

Predislovie [Foreword] (author is not indicated). Novyy Zavet v perevode K.P. Pobedonostseva. Reprinted from edition 1906. St.-Petersburg, RBS, 2000, p. 5–24 of 1st pagination. (In Russ.)

Remorov I. A. K projektu «Slovarya russkogo yazyka XIX veka»: nekotorye leksicheskie osobennosti tserkovnykh tekстов [To the project of «Dictionary of XIX-century Russian»: some features of church texts]. Aktual'nye problemy leksikologii i slovoobrazovaniya. Novosibirsk, 2007, p. 135–144. (In Russ.)

Remorov I. A. Mitropolit Filaret (Drozdov) kak redaktor Sinodal'nogo perevoda Novogo Zaveta: tserkovnoslavyanizmy i printsip stilisticheskoi differentsiatsii kontekstov [Metropolitan Philaret (Drozdov) as an editor of the Synodal translation of the New Testament: slavonicisms and the principle of the stylistic distinction of contexts]. Sibir' na perekrest'e mirovykh religii. Novosibirsk, 2002, p. 245–248. (In Russ.)

Remorov Ioann, deacon. Pravka grammatiki mitropolitom Filaretom (Drozdovym) pri podgotovke Sinodal'nogo perevoda Novogo Zaveta [Grammatic editing by metropolitan Philaret (Drozdov) when preparing Synodal translation of the New Testament]. Τέχνη γραμματική (Iskusstvo grammatiki). Vyp.1, posvyashchennyy 90-letiyu prof. K. A. Timofeeva. Novosibirsk, 2004, p. 415–426. (In Russ.)

Remorova E. E. N. N. Glubokovskii i K. P. Pobedonostsev: o tvorcheskoy vzaimodeystvii v dele perevoda na russkii yazyk Novogo Zaveta [N. N. Glubokovskii and K. P. Pobedonostsev: a creative interaction in the work on the translation of the New Testament into Russian]. Sibirskiy filologicheskii zhurnal, 2009, no. 1, p. 125–129. (In Russ.)

Remorova E. E. Novyi Zavet v perevode K.P. Pobedonostseva: o nekotorykh osobennostyakh v oblasti leksiki [New Testament translated by K.P. Pobedonostsev: some lexical features]. Novye informatsionnye tekhnologii v nauke. Ufa, 2015, p. 44–50. (In Russ.)

Savich D. N., archpriest. Ordinarnyi professor N.N. Glubokovskii i ego «Zamechaniya na slavyano-russkiy perevod Evangelii Matfey, Marka, Luki i Ioanna» (istoriya rukopisi) [Ordinary professor N. Glubokovskii and his «Commentaries on the Slavonic-Russian translation of the Gospel of Matthew, Mark, Luke and John» (history of the manuscript)]. Skrizhali. №. 4, 2012, p. 10–20. (In Russ.)

Smirnov L. N. K voprosu o roli perevodov Biblii v istorii slavyanskikh literaturnykh yazykov [To the question about the role of Bible translations in the history of the Slavic literary languages]. Yazykovaya sistema i eyo razvitie vo vremeni i prostranstve. Moscow, 2001, p. 186–194. (In Russ.)

Tolstoy N. I. Drevneslavyanskii literaturnyi yazyk v XII–XIII vv. (ego funktsii i spetsifika) [Ancient Slavic literary language in the XII–XIII cent. (its functions and specifics)]. *Razvitie etnicheskogo samosoznaniya v epokhu zrelogo feodalizma*. Moscow, 1989, p. 14–24. (In Russ.)

Tselunova E. A. Psaltyr' 1683 g. v perevode Avramiya Firsova. Tekst, slovoukazatel', issledovanie [The Psalter translated by Avramii Firsov]. Moscow, 2006. (In Russ.)

Vereshchagin E. M. Istoriya vozniknoveniya drevnego obshcheslavyanskogo literaturnogo yazyka. Perevodcheskaya deyatelnost' Kirilla i Mefodiya i ikh uchenikov [The history of the beginnings of the ancient common Slavic literary language: the translation activity of Cyril and Methodius and their disciples]. Moscow, 1997. (In Russ.)

Zhivov V. M. Yazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka [The language and the culture in XVIII century Russia]. Moscow, 1996. (In Russ.)